

по заниженным закупочным ценам, и результатом нового обострения отношений между партией и крестьянством, несмотря на высокий урожай 1926 года, стали хлебозаготовительные кризисы 1927/28 годов. В 1927 году в Уголовном кодексе РСФСР появилась новая 107-я статья, предусматривавшая годовое тюремное заключение с конфискацией имущества или без такового за умышленное повышение цен и укрывательство товаров от продажи. Большевики получили кистень для диктата на рынке.

Однако первый сталинский нажим на деревню показал полную бесперспективность директивных цен и насильственных хлебозаготовок. В ответ на внеэкономическое принуждение, как и в годы гражданской войны, крестьяне начали неизбежно сокращать производство, чтобы защищаться от нового похода за даровым продовольствием. Если в 1926–1927 годах государственные хлебозаготовки составили 117,8 млн центнеров, то в 1928–1929 годах — лишь 107,9 млн, а сбор хлебов упал с отметки в 662,5 млн центнеров до 614,3. В ближайшие годы партия по-прежнему не могла гарантировать бесперебойное снабжение городов и армии, а такая перспектива создавала условия для забастовок и массовых волнений с непредсказуемыми последствиями. 15 июня 1928 года член партии с 1898 года и заместитель наркома финансов СССР Моисей Фрумкин обратился с письмом в Политбюро ЦК ВКП (б), предложив изменить экономическую политику и ослабить давление на крестьян. «Деревня, за исключением небольшой части бедноты, настроена против нас», — предупреждал Фрумкин, заслуживший резкую отповедь сталинцев и расстрелянный в 1938 году.

Хлеб мировой революции

Внутриполитическая обстановка в СССР неизменно ухудшалась. Если в 1926–1927 годах органы ОГПУ зафиксировали 1612 терактов, то в 1928–1929-х — 10 120. Количество протестных выступлений по стране выросло с 63 в 1926–1927 годах до 2016 в 1928–1929 годах. Зимой 1928 года в волостном селе Воскресенском Рыбинского уезда Ярославской губернии среди жителей зазвучали призывы «выкинуть трехцветный флаг и поднять восстание», в Донском округе Северо-Кавказского края в подполье формировались вооруженные казачьи группы. Широко распространялись антибольшевистские листовки: в 1928 году — 845 учтенных случаев, в 1929-м — 2391. Официальная концепция коллективного землепользования не пользовалась популярностью на селе. Осенью 1929 года в СССР насчитывалось более 25,4 млн крестьянских дворов, из которых более 24,4 млн вели единоличное хозяйство и лишь чуть более 1 млн (4,1%) были в той или иной форме коллективизированы.

Разумный выход из тупиковой ситуации заключался в устранении объективных причин хлебозаготовительных кризисов путем полной либерализации советской экономики. Чтобы обеспечить продовольственную безопасность и рост производительности труда, требовалось восстановить нормальный товарообмен между городом и деревней, отменить монополию внешней торговли, допустить на внутренний рынок иностранных импортеров, раскрепостить частную хозяйственную инициативу, в том числе и в промышленности, вернуться к широкому свободному предпринимательству, воссоздать систему частных банков и кредита, наконец, восстановить институт частной собственности, пересмотреть законодательную базу и правоприменительную практику. В свободной экономической модели налоговые поступления от многочисленных участников мелкого, среднего и крупного бизнеса превращались в постоянный источник для возрождения отечественной индустрии после разрушительных опытов эпохи «военного коммунизма». Однако подобная программа означала бы «возврат к капитализму» — прекращение социалистического эксперимента и ликвидацию диктатуры ВКП (б).

«Мужики в те годы недоумевали по поводу следующей проблематической дилеммы. В непонятности мужики делились — пятьдесят, примерно, процентов и пятьдесят. Пятьдесят процентов мужиков вставали в три часа утра и ложились спать в одиннадцать вечера, и работали у них все от мала до велика, не покладая рук; ежели они покупали телку, они десять раз примеривались, прежде чем купить; хворостину с дороги они тащили в дом; избы у них были исправны как телеги, скотина сыта и в холье, как сами сыты и в труде по уши; продналоги и прочие повинности они платили государству аккуратно, власти боялись; и считались они врагами революции, ни более, ни менее того. Другие же проценты мужиков имели по избе, подбитой ветром, по тощей корове и по паршивой овце — больше ничего не имели; весной им из города от государства давалась семсуда, половину семсуды они поедали, ибо своего хлеба не было, другую половину рассеивали — колос от колосу, как голос от голосу; осенью у них ничего не родилось — они объясняли власти недород недостатком навоза от тощих коров и паршивых овец, государство снимало с них продналоги и семсуду — и они считались друзьями революции... “Врагов” по деревням всемерно жали, чтобы превратить их в „друзей“, а тем самым лишить возможности платить продналог, избы их превращая в состояние, подбитое ветром»

Из повести 1929 года Бориса Пильняка «Красное дерево»

«Сущность трагедии русского крестьянина под советской властью заключается не в том, что у него отняли землю, скот и орудия производства, а в том, что со всем этим у него отняли смысл его земного существования. Раньше у каждого крестьянина, у каждого трудящегося на земле была цель, дававшая смысл его жизни и труду. Этой целью было приобретение собственного участка земли. А перед достигшим этой цели открывался целый ряд побочных целей, которых хватало на века и десятки поколений. Покупкой, либо удачной женитьбой детей закруглить свой участок, срубить новую избу, завести пчельник, добыть племенную корову, лошадь, свинью, птицу, купить лесок, построить мельницу и сотни других крестьянских забот, которые заполняли трудовую жизнь целых поколений и, постепенно осуществляясь, вели к определенному и осязаемому прогрессу. Крестьянин любил свое хозяйство, берег его, и легче ему умиралось, если он знал, что передает его детям в увеличенном или улучшенном виде. Ничего этого не осталось после коллективизации»

Николай Февр, белоэмигрант, журналист

В то же время локализовать нараставшее недовольство в городах и существовать еще несколько лет в состоянии хлебозаготовительных кризисов большевики не могли. Политические риски были слишком велики, пока в любой степени сохранялась независимость крестьян-производителей от государства. Сталин отчетливо понимал, что конфликт с хлеборобами не имел компромиссного разрешения, как бы того наивно не желала группа «правых» коммунистов во главе с членом Политбюро Николаем Бухариным. На рубеже 1920–1930-х годов речь шла не о разных методах социалистического строительства в СССР, а о существовании Коммунистической партии и судьбе Октябрьского переворота.

В мае 1928 года в беседе со студентами Института красной профессуры Сталин наконец назвал крестьянство «таким классом, который выделяет из своей среды, порождает и питает капиталистов, кулаков и вообще разного

рода эксплуататоров». Кроме того, при ответах на вопросы он обратил внимание еще на одну причину грядущей коллективизации. «От того, как мы разрешим проблему хлеба, зависит не только судьба советской власти, но и мировой революции, — заявил генсек ЦК ВКП (б). — Мировая революция может питаться только советским хлебом». Из коллективизированной деревни предполагалось выкачивать ресурсы, чтобы обеспечить Красной армии абсолютные военно-технические преимущества в неизбежной грядущей борьбе за советизацию Европы. Гонка вооружений в СССР начиналась во имя

«Скоро будет война, дадут нам, крестьянам, оружие, а мы его обратим против Советской власти и коммунистов,

нам власть рабочих не нужна, мы ее должны сбросить, а коммунистов удушить» (деревня Саморуково Трудовой волости Московского уезда Московской губернии)

«объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику», как декларировала Конституция. Робкие упреки со стороны отдельных слушателей в ревизии ленинского наследия в виде отказа от теории добровольной кооперации докладчик решительно отверг. «Ленинизм — не Библия, а диалектика, — поучительно сказал Сталин. — Постоянной величиной в нашей политике является собственно наша стратегия — борьба за коммунизм. Тактику мы меняли, и будем менять, даже радикально, когда это диктуется интересами стратегии». Дискуссия завершилась, и скорый конец нэпа больше не вызывал сомнений. Для сохранения и укрепления собственной власти у сталинцев оставался единственный путь: в кратчайший срок надлежало силой превратить крестьян в бесправных сельскохозяйственных рабочих-батраков, прикрепленных к государственным предприятиям по обработке земли.

Таким образом, насильственное создание колхозной системы и введение «второго крепостного права» становилось неизбежным процессом, несмотря на любые потери и издержки. «Коллективизация крестьянских хозяйств была экономически нерентабельна, но она была нужна новому классу для укрепления его власти и защиты его собственности», — резюмировал Джилас. По существу речь шла о целенаправленной и долгосрочной политике по раскрестьяниванию сельского населения. Однако сразу покорить деревню не удалось, и для того чтобы сломить отчаянное крестьянское сопротивление коллективизации в 1930–1932 годах, потребовалась жестокая и комбинированная политика, включавшая карательные операции, репрессии, принуждение, ужесточение налогов и пропагандистские кампании. Только когда удалось достичь относительного успеха, Сталин заговорил о «съезде победителей».

Но победа оказалась пирровой.

КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВ, кандидат исторических наук, доцент Свято-Филаретовского института (Москва)